

УДК 304.2

**ФАКТОРЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ
КАК СОЦИАЛЬНЫХ
ПРАКТИК В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**FACTORS
OF TRANSFORMATION
OF TRUST AND DISTRUST
AS SOCIAL PRACTICES
IN RUSSIAN
SOCIETY**

Глушко Ирина Васильевна

Кандидат философских наук, доцент,
Азово-Черноморский инженерный
институт-филиал Донского
государственного аграрного университета
в г. Зернограде,
e-mail: glu-ir@mail.ru

Glushko Irina V.

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Azov-Black Sea
engineering Institute-branch of Don state
agrarian University,
Zernograd,
e-mail: glu-ir@mail.ru

В статье выявляется комплекс факторов, влияющих на трансформацию доверия и недоверия как социальных практик российского общества. Установлены экзогенные и эндогенные факторы, являющиеся компонентами социальных условий. В результате воздействия факторов выявлена антиномия доверия и недоверия.

The article reveals the complex of factors influencing the transformation of trust and distrust as social practices in Russian society. The exogenous and endogenous factors, as the components of social conditions are found out. The antinomy of trust and distrust as a result of influence of the factors is revealed.

Ключевые слова: социальная трансформация, доверие и недоверие, социальные практики, экзогенные и эндогенные факторы, социокультурная ситуация, антиномия системы доверия.

Keywords: social transformation, trust and distrust, social practices, exogenous and endogenous factors, social and cultural situation, antinomy of the trust system.

В отечественной социальной мысли термины «социальные трансформации», «трансформационная парадигма» приобрели особую актуальность в переходный период 90-х гг. XX в. и признаны наиболее адекватными для реалий современной России, находящейся в высокоактивной стадии социальных трансформаций. Отличием российских трансформаций от западных вариантов считалась нестабильность. Всего десятилетие назад в социальных науках некоторые исследователи даже высказывали мнение, что в силу многообразия и многочисленных особенностей пока невозможно рассмотреть этот социальный процесс с достаточной степенью глубины и тем более выявить его основную направленность даже в качестве тренда [1, с. 27].

В самом общем виде социальная трансформация есть форма, или процесс социальных изменений, сущностью которой выступает «переход (переходный период) социальных систем, их структурных элементов и функций из одного состояния в качественно другое, к иной социальной системе, посредством целенаправленной деятельности социальных субъектов» [2]. Трансформация представляет для социума собой «одну из самых значительных форм его изменений, в которой происходят изменения самой социальной системы, а не только ее отдельных компонентов» [3, с. 264].

Целью статьи является выявление факторов трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе. Научно-исследовательские задачи, связанные с изучением трансформации социальных практик, разрешаются на основе теоретических представлений о сущности трансформационных изменений и социетальном трансформационном пространстве [4], о факторах, влияющих на трансформацию социальных практик на разных уровнях социальных взаимодействий, в условиях сложного общества [5] и напряжений социального пространства [6].

Проблематика трансформации российского общества в научном дискурсе обсуждается с позиций разных исследовательских подходов. Приоритет имеют социокультурный и деятельностный подходы. В рамках социокультурного подхода трансформация понимается как преобразование типа антропосоциетального соответствия или конкретно-исторической его формы, как комплексный процесс, начинающийся с социокультурного кризиса, охватывающий все основные структуры общества и завершающийся установлением нового социокультурного баланса. Деятельностный подход имеет два основных варианта. Сторонники первого – объективистского (бессубъектного) – варианта наибольшую роль отводят устойчивым базовым институциональным

структурам – экономическим, политическим и идеологическим, образующим институциональную матрицу трансформаций [7, 17]. Во втором – деятельностном (структурно-деятельностном) – субъективистском варианте ход и перспективы трансформации непосредственно связываются с деятельностью, интересами и ресурсными возможностями акторов разных уровней широкого социального спектра, действующих в условиях не вполне сформированной (нежесткой) институциональной среды и структурирующих гражданское общество [8].

Структурно-деятельностный подход, на наш взгляд, является наиболее эффективной в методологическом отношении базой исследования социальных практик в трансформационном процессе. С точки зрения структурно-деятельностного подхода социальные практики понимаются как слабоуправляемые массовые процессы, являющиеся частью механизма социальной трансформации в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства [4, с. 158, 162–163, 195].

В свою очередь, трансформационная структура российского общества характеризуется неравномерным распределением доверия. Существует внутренняя и внешняя социально-групповая, социально-слоевая, институциональная, региональная асимметрия и дихотомия доверия в социальных практиках на микро- и макросоциальном уровне. В силу этого в трансформационной социальной структуре имеются основания для воспроизводства как доверия, так и недоверия. Доверие и недоверие как социальные практики являются особой проекцией трансформационной структуры российского общества, описывающей способ функционирования и преобразования доверия и недоверия и формирующейся в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства под воздействием ряда факторов. Как пишет О.Н. Крюкова, «доверие является весьма сложным, многофакторным и многослойным феноменом, который существует в качестве культурного концепта, пронизывающего собой как ментальную, так и практически деятельностную стороны жизни индивида» [9, с. 13].

С точки зрения неинституционального, системного и структурно-функционального подходов отношения между доверием и недоверием могут рассматриваться в единой системе доверия [19]. Система доверия может быть определена как совокупность эмоционально-нравственных, когнитивных, коммуникативных, поведенческих/деятельностных, ценностно-нормативных структурных компонентов и признаков доверия и недоверия, находящихся во взаимосвязи и

взаимодействии и образующих доверие и недоверие как целостное явление, структурирующее социальные практики с точки зрения их самоорганизационного потенциала в системе социальной саморегуляции.

Доверие, являясь сложным, многофакторным и многослойным явлением, формируется и трансформируется под влиянием различных факторов, являющихся компонентами социальных условий данного общества. Фактор в его первоначальном значении (лат. *factor* – «делающий, производящий») трактуется как причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении [10]. Факторы выступают «как детерминанты уровня или развития какого-либо явления... а) фактор, будучи объективной реальностью, существует не сам по себе, а во взаимосвязи с тем явлением, на которое он воздействует, б) он является компонентом тех условий, в совокупность которых он сам входит... Набор этих компонентов определяется сущностью явления... Значит, условия всегда богаче, шире и многообразнее, чем факторы, ибо условия – это общее множество, а факторы – их подмножество» [11].

Факторы могут рассматриваться, во-первых, как компоненты субъективных условий, обуславливающие, предопределяющие появление доверия и недоверия как социальных практик; и во-вторых, как часть объективных социальных условий и обстоятельств, в сложном взаимодействии друг с другом повышающих или понижающих вероятность возникновения доверия и недоверия в социальных практиках российского общества. Поэтому можно выделить две группы факторов – эндогенные и экзогенные. Такое разделение факторов трансформации социальных практик доверия и недоверия носит сугубо методологический характер, факторы будут рассматриваться синкретично.

К числу экзогенных факторов трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе относятся многообразие социально-политических, социально-экономических, социокультурных условий, уровень социального неравенства по целому ряду значимых социальных показателей, степень полезности и эффективности социальных институтов, воздействие СМИ.

Эти факторы представляют собой составляющую объективных социальных условий, идущих от состояния российского социума, характеризующегося стихийностью, слабой управляемостью и предсказуемостью конечных результатов. Ключевым фактором, влияющим на формирование и изменение социальных практик доверия и недоверия, является высокий уровень социального неравенства, который, усугуб-

ляясь возрастающей социально-экономической дифференциацией, разрушает основания гражданской солидарности, нравственные устои общественного единения и национального согласия, порождает социальную апатию, пассивность, интолерантность, конфронтационность, резкий разрыв между обществом и властью. В условиях разрыва доминируют неформальные практики, альтернативно замещающие имеющиеся институциональные практики. Соответственно, закрепляются неформальные составляющие доверия в ущерб формальным институциональным. Недоверие выступает как существенный элемент индивидуального и массового сознания россиян, влияющий на поведенческие практики, обнаруживается как в неформальных практиках межличностного взаимодействия, так и институционализированных социальных практиках, причем в большей мере это касается последних.

Общей закономерностью является наличие обратной зависимости между радиусом и показателем уровня доверия – чем меньше радиус, тем выше уровень доверия, и чем больше радиус, т. е. дальше от индивида объект, тем выше уровень недоверия к нему. По оценкам специалистов, в России виды доверия по степени возрастания его уровня располагаются в следующей последовательности: институциональное – общественное (социальное) – локальное – межличностное доверие. В сравнении самым высоким является уровень межличностного (особо личного – ближайшему окружению самых близких родственников, в числе которых дети, родители, супруги, а также близкие друзья) доверия, низким – уровень институционального доверия (судьи, чиновники, полиция и др.), промежуточными – уровни общественного (коллеги по работе, соседи, друзья и другие представители регулярных коммуникативных отношений за пределами ближайшего окружения) и локального (жители своего города, района) доверия [12, с. 100].

Высокий для российских условий, но недостаточный по европейским меркам уровень межличностного доверия объясняется несколькими причинами: во-первых, «травмой трансформации» как комплексом шоковых дисфункциональных последствий коренных изменений 90-х гг. [13, с. 6]; во-вторых, воздействием реальных и мифологизированных образов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм, в которых практики доверия стали рассматриваться либо как слишком большой риск, либо как препятствие [14, с. 128]; в-третьих, неформальным характером большинства социальных сетей. Низкий уровень институционального доверия также объясняется комплексом взаимосвязанных причин, среди которых: 1) неэффективность и забюрократизированность многих действующих соци-

альных институтов, соответственно, альтернативная замена неэффективных институциональных более эффективными неформальными практиками, что закрепляет неформальные составляющие доверия в ущерб формальным институциональным; 2) рост коррупции и правовой безнаказанности нарушителей законов, облеченных властью; 3) архаизация, то есть стихийное обращение к повседневным «простым» неформальным практикам, почерпнутым из прошлого, и сознательный отказ от новых, более сложных формальных институционализированных социальных практик как обратная реакция на усложнение общества; 4) персонификация социальных и политических феноменов и властных институтов в массовом сознании. Соответственно, неадекватно высок и имеет тенденцию к росту уровень персонифицированного доверия.

Эндогенные факторы, предопределяющие трансформацию социальных практик доверия и недоверия в современной России, представляют собой обусловленный современной социокультурной ситуацией и связанный с индивидуальным и общественным сознанием комплекс ментальных поведенческих программ, когний, ценностных ориентаций, присущий данному этапу развития общества. Общественное сознание современной России в целом характеризует социальный запрос на социально ориентированный «мягкий консерватизм», основанный на высших ценностях социальной справедливости, равных прав и возможностей самовыражения для каждого, а также сильного активного государства, которое как раз и должно обеспечить надлежащие институциональные условия для выполнения данного запроса.

Поскольку эти принципы не работают в российских институциональных и социальных условиях, то возникают такие негативные явления, как размытость, неоднородность, неопределенность и переменчивость общественных ориентаций и социального настроения, разделение общества примерно в равных пропорциях на тех, кто считает приемлемым настоящий социальный порядок и политический курс, и тех, кто настроен по отношению к ним негативно, что сокращает перспективы достижения общенационального согласия и, соответственно, проблематизирует развитие институциональных практик доверия на макросоциальном уровне. Трансформирующаяся нормативно-ценностная система российского общества характеризуется антиномией, которая выражается в том, что вместе с востребованностью традиционных ценностей (искренности, честности, доброжелательности, бескорыстия, готовности помогать друг другу), выступающих в том числе основаниями практик доверия, получили распространение полярные им ценности, такие как

индивидуализм, эгоизм, корысть, стремление к быстрой наживе и построенные на псевдодоверии социальные практики мошенничества, обмана, жульничества [20]. Характерны преобладание инструментальных над интегрирующими терминальными ценностями, а также эклектичность набора коллективистских и индивидуалистских ценностей инструментального характера. Такое свойство ценностной системы, как асимметрия, характеризует сочетание у одних и тех же людей прямо противоположных друг другу, но как бы равнозначных ценностей, что проявляется в зависимости от конкретных жизненных ситуаций и обстоятельств [15, с. 18].

Духовность и высокая значимость для россиян макроидентичностей как основополагающие константы российского менталитета, с одной стороны, составляют определенный потенциал российского общества, в том числе в плане развития социальных практик доверия, а с другой – осложняют достижение целей и задач модернизации. Современные российские реалии, а также доминирующие общественные установки противоречат традиционным нравственным ценностям и нормам российского цивилизационного проекта, способствуют его размыванию и, соответственно, меняют социальные практики.

Подрыв традиционных ментальных оснований и размывание доверия к российскому цивилизационному проекту порождают неверие в возможность реализации в России в ближайшие десятилетия даже базовых принципов социальной справедливости.

Данное обстоятельство, в свою очередь, актуализирует для большинства населения рост ценностей микроуровня, а в условиях негативных социально-политических и социально-экономических факторов сегодняшнего времени – также доминирование в числе ценностей микроуровня простейших, базовых для стабильного выживания потребностей, которые ложатся в основу ценностно-нормативной системы. Доверие в этих условиях приобретает такие характеристики, как неоднозначная социально-смысловая наполненность, размытость, фрагментарность и ситуативность. С одной стороны, доверие выступает фактором социальной стабильности и единства общества; с другой стороны, в таких своих основаниях, как доверчивость и доверительность на основе нравственных добродетелей, приходит в противоречие с укрепляющимися рационалистическими началами доверия, его деловой составляющей. В этом контексте доверие выступает не личной проблемой, каковой оно считалось ещё в недалеком научном прошлом, а проблемой общественной [18].

В контексте трансформационных изменений современного российского социума значимо появление таких новых форм общественного сознания и поведения (социальной практики), как травма и антиномия. Как пишет Ж.Т. Тощенко, «травма выражается в расколе, раздвоении, противоречивости и деформированности общественного развития и выступает как промежуточный этап между эволюцией и революцией». Сущность антиномии общественного сознания и социальной практики определяется автором на основании постулатов И. Канта как «сосуществование взаимоисключающих позиций, противостоящих друг другу ориентаций, каждая из которых на достаточно убедительных основаниях претендует на истинность, на реализацию своего права на существование, на реализацию своих установок и в конечном счете на определение стратегии развития общества» [16, с. 45].

Трансформационная социальная структура характеризуется неравномерным распределением доверия: существует социально-групповая, социально-слоевая, институциональная, региональная асимметрия доверия на микро- и макросоциальном уровне. В силу этого в трансформационной структуре социальных практик российского общества имеются основания для воспроизводства как доверия, так и недоверия. В трансформирующихся многовекторных социальных практиках российского общества доверие обладает следующими проблематизируемыми свойствами: неоднозначная (вариативная) социально-смысловая наполненность; асимметричность; размытость компонент и возможность их конструирования и целенаправленной корректировки за счет экзогенных и эндогенных факторов. Воздействие этих факторов в общем и целом подтверждает вывод о реальном росте недоверия, которое достаточно стремительно вытесняет доверие в социальных практиках, приобретает нормативные черты и является полноценным элементом трансформирующейся социальной системы российского общества. Недоверие выступает как существенный элемент индивидуального и массового сознания россиян, влияющий на поведенческие практики, обнаруживается как в неформальных практиках межличностного взаимодействия, так и институционализированных социальных практиках, причем в большей мере это касается последних.

Результатом трансформационных процессов являются антиномии общественного сознания и социальных практик российского общества. В данной связи может быть сформулировано определение понятия антиномии системы доверия в социальных практиках российского общества. Антиномия системы доверия может быть определена как реально существующая коллизия трансформационной структуры российского

общества, в которой доверие и недоверие как социальные практики, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой – сосуществуют и ситуативно реализуются в силу того, что имеют под собой объективную и субъективную основу.

Литература

References

1. *Голенкова З.Т.* Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2001. № 1. С. 28–43.

2. *Князев И.В.* Трансформационные процессы в России (субъектный аспект): дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2006. 200 с.

3. *Ламажаа Ч.К.* Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 262–264.

4. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2003. 568 с.

5. *Кравченко С.А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М., 2012. 306 с.

6. *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22.

7. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. 213с.

8. *Шабанова М.А.* К интерпретации хода и перспектив трансформационного процесса в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/930/692/1219/056> (дата обращения: 11.09.2015).

9. *Крюкова О.Н.* Сущность и кризисная динамика доверия в культуре: общество и экономика : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2010. 20 с.

10. *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 16.11.2015).

11. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. 238 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://>

1. *Golenkova Z.T.* Osnovnyye tendencii transformacii social'noy struktury sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vestnik RUDN. Ser. «Sociologiya». 2001. №1. S. 28–43.

2. *Knyazev I.V.* Transformacionnyye processy v Rossii (subektnyy aspekt) : dis. ... kand. sociol. nauk. Novocherkassk, 2006. 200 s.

3. *Lamazhaa Ch.K.* Social'naya transformaciya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 1. S. 262–264.

4. *Zaslavskaya T.I.* Societal'naya transformaciya rossiyskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya koncepciya. M., 2003. 568 s.

5. *Kravchenko S.A.* Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoy teorii slozhnosti. M., 2012. 306 s.

6. *Belyaeva L.A.* Preodolenie napryazheniy social'nogo prostranstva – put' k konsolidacii obshchestva // Filosofskie nauki. 2014. № 6. S. 8–22.

7. *Kirdina S.G.* Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. M., 2000. 213s.

8. *Shabanova M.A.* K interpretacii khoda i perspektiv transformacionnogo processa v Rossii. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/930/692/1219/056> (data obrashcheniya: 11.09.2015).

9. *Kryukova O.N.* Sushchnost' i krizisnaya dinamika doveriya v kul'ture: obshchestvo i ekonomika : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Rostov n/D., 2010. 20 s.

10. *Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V.* Novyy slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i slovosochetaniy. M., 2003. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (data obrashheniya: 16.11.2015).

11. *Rybakovskiy L.L.* Migraciya naseleniya (voprosy teorii). M., 2003. 238 s. URL: <http://rybakovsky.ru/mi->

rybakovsky.ru/migracia2s.html (дата обращения: 19.07.2015).

12. *Китайцева О.В., Кученкова А.В.* Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // Социс. 2014. № 12. С. 97–103.

13. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

14. *Реутов Е.В., Реутова М.Н.* Недоверие в установках и практиках населения // Социс. 2015. № 6. С. 126–132.

15. *Ковалев В.В.* Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2009. 48 с.

16. *Тощенко Ж.Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4. С. 45–60.

17. *Волков Ю.Г.* В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 80–101.

18. *Волков Ю.Г., Кривоусков В.В.* Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Ер., 2013.

19. *Лубский А.В.* Социология жизни: методологические проблемы исследования социальных практик // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016. С. 30–39.

20. *Лубский А.В.* Междисциплинарные научные исследования: когнитивная мода или социальный вызов // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.

gracia2s.html (data obrashcheniya: 19.07.2015).

12. *Kitayceva O.V., Kuchenkova A.V.* Doverie i individualizm v mirovozzrenii sovremennoy molodezhi vostochnoevropeyskikh stran // Socis. 2014. № 12. S. 97–103.

13. *Shtompka P.* Social'noe izmenenie kak travma // Socis. 2001. № 1. S. 6–16.

14. *Reutov E.V., Reutova M.N.* Nedoverie v ustanovkakh i praktikakh naseleniya // Socis. 2015. № 6. S. 126–132.

15. *Kovalev V.V.* Aksiologicheskie stereotipy kak faktor ustoychivosti rossiyskogo obshchestva: avtoref. diss. ... d-ra sociol. nauk. Rostov n/D., 2009. 48 s.

16. *Toshchenko Zh.T.* Travma i antinomiya – novye cherty obshchestvennogo soznaniya i povedeniya v sovremennoy Rossii // Sociologiya. 2014. № 4. S. 45–60.

17. *Volkov Yu.G.* V poiskakh novoy ideologicheskoy paradigmy // Social'nogumanitarnye znaniya. 2003. № 2. S. 80–101.

18. *Volkov Yu.G., Krivopuskov V.V.* Doverie i kreativnyy klass: faktory konsolidacii rossiyskogo obshchestva. Er., 2013.

19. *Lubskiy A.V.* Sociologiya zhizni: metodologicheskie problemy issledovaniya social'nykh praktik // Sociologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i social'nye praktiki / pod obshh. red. Zh.T. Toshchenko. M., 2016. S. 30–39.

20. *Lubskiy A.V.* Mezhdisciplinarnye nauchnye issledovaniya: kognitivnaya moda ili social'nyi vyzov // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 10. S. 3–11.